

Путь к Свету

Православный альманах

Шаг девятый

О молитве

Выдержки из писаний святых отцов Православной Церкви

Есть три образа внимания и молитвы, которыми душа возвышается и преуспевает или низвергается и гибнет. Отличительные свойства первого образа таковы: когда кто, стоя на молитве и воздевая на небо руки свои, очи свои и ум свой, держит в уме божественные помышления, воображает блага небесные, чины ангелов и обители святых, и кратко все слышанное в Божественных Писаниях собирает в ум свой и рассуждает о том тогда — во время молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к вожделению любви Божией, а иной раз извлекает даже слезы и плачет — это будет первый образ внимания и молитвы. При этом образе молитвы, если кто на нем одном останавливается, бывает, что мало-помалу молящийся начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая, ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божьей в утешение ему, и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком делании. А это, то есть так думать в этом образе молитвы, есть знак прелести. Такой человек, если обезмолвится крайним безмолвием (то есть сделается исихастом, у нас — затворником), то ему едва ли можно не сойти с ума. Некоторые прельстились, приняв дьявола, преобразившегося и явившегося им в виде ангела света, а они не распознали его и остались неисправимыми до конца жизни своей, не хотели слышать никакого совета ни от какого брата. Некоторые из таких сами себя лишили жизни, быв подвигнуты на то дьяволом: иные бросились в пропасть, иные удавились. Берегись этих сетей вражеских, ибо бывает, что, когда молишься чисто и безмятежно, вдруг предстанет тебе какой-нибудь образ странный и чуждый. Это делают враги затем, чтоб ввести тебя в сомнение, внушив мысль, что Божество явилось тебе, а еще и затем, чтоб ты подумал, что подобно этому, внезапно явившемуся тебе, Божество количественно (занимает место, протяженно, имеет части). А Божество ни количественности, ни образа не имеет. Никакого чувственного мечтания не принимай во время молитвы, чтоб не подвергнуться умалишению. Смотри, никаких не принимай во время молитвы сторонних помыслов и мечтаний, не слу-

шай речей, будто к тебе обращенных, и не отвечай им. В этом пункте говорится о призраках, являющихся во время молитвы, — образах, звуках, светах, бывающих от врага. Совсем не желай и не ищи того, чтоб во время молитвы увидеть тебе какой-либо лик или образ. Не желай видеть чувственно ангелов, или силы, или Христа. Начало прельщения ума — тщеславие, коим движим ум, который покушается описать Божество в каком-либо образе или лике. Блажен ум, который во время молитвы хранит совершенное безвидение. Блажен ум, который, молясь без развлечения и рассеянности, восприемлет все большую и большую любовь к Богу. Блажен ум, который во время молитвы бывает невеществен и нестяжателен. Завистливый демон воздействует на кровь и соки, чтоб через них привести в уме воображение чего-либо чуждого и наполнить его образами. А ум, имея навык вращаться в помышлениях, удобно увлекается тем и, стремясь к созерцанию Невещественного и Безвидного, обманывается, принимая дым за свет. Из сказанного нами всякий разумный человек может понять, какой вред происходит от этого первого образа внимания и молитвы.

Отрывок из романа В. Н. Елсукова «Принцесса и принц»

После занятий Маша поехала домой и, пообедав, прилегла отдохнуть. Незаметно задремала, и, не успев глубоко погрузиться в сон, увидела нечто странное. К ней по песчаной пыльной дороге шел, опираясь на посох, нищий — весь в лохмотьях, синяках и ссадинах. Приблизившись, он возгласил:

— Я послан Господом с вестью, что ты обрела Его милость.

Маше стало не по себе.

— Не бойся, я Франциск Ассизский, раб Божий. Должен сообщить тебе следующее. Твоя душа сподобилась небесных благ, ты носительница благодатного дара. Запомни, Он слышит твои молитвы! По твоим прошениям будут совершаться великие чудеса и исцеления. А сейчас научись истинно взывать к Нему. Возведи руки к небесам. Видишь Христа, восседающего на царском троне в окружении двенадцати апостолов? Если видишь, то встань на колени, как я. Вот так, молодец! А теперь произноси и запоминай: «Ты, Господи, Вседержитель, всемогущий для сильных мира и милостивый для слабых и обездоленных. Ты всегда слышишь мои молитвы, услышь и сейчас». Мария, а теперь проси, проси сама!

Духовная дочь отца Паисия вскочила в холодном поту. «Что со мной

было? Сон или явь?» Ее сердце не просто стучало — колотилось, она вся горела от сильного потрясения, часто дышала. «Нужно обязательно рассказать об этом старцу!» В десятом часу Маша, как обычно, набрала номер его телефона.

— Добрый вечер, батюшка! Мне приснилось или привиделось что-то странное. Ко мне явился Франциск Ассизский, неопрятный такой, избитый, и стал учить молиться Богу, перед этим заявив, что я носительница благодатного дара.

— Дьявол, без сомнения, дьявол! — перебил ее священник. — Поскорее забудь и не вспоминай больше! Возможно, этот образ будет тебя преследовать. А вообще, снам нельзя придавать никакого значения, в лучшем случае это ерунда полная, а в худшем — бесовская напасть. Господь общается с человеком в Духе Святом, освященная душа узнает Его безошибочно. Поди, этот бес говорил, что Бог простил тебе все грехи?

— Что-то вроде того. Мол, я обрела милость у Него.

— Понятно. Лукавый и Самого Христа искушал в пустыне, говоря: «Если Ты Сын Божий, бросься с крыши храма, ибо написано: ангелам Своим заповедает о Тебе — охранять Тебя на всех путях Твоих, на руках понесут, да не преткнешься о камень ногою». Подобные призывы должны раздуть наше тщеславие в гордость, всех зол начальницу и совершительницу.

— А почему бес явился ко мне в образе Франциска Ассизского?

— Не важно, в каком образе он приходит. Важно узнавать его и прогонять, возопив к Богу за помощью. Чему супостат учил тебя?

— Молитве. Говорил: «Возведи руки к небесам. Видишь Христа, восседающего на царском троне в окружении двенадцати апостолов? Если видишь, то встань на колени, как я, и произнеси: “Ты, Господи, Вседержитель, всемогущий для сильных мира и милостивый для слабых и обездоленных. Ты всегда слышишь мои молитвы, услышь и сейчас”».

Маша дословно повторила речь нищего и замолчала, сама удивляясь, как хорошо ее запомнила.

— Франциск Ассизский, наверное, так и молился, — заметил отец Паисий. — Вся Церковь католическая так молится, представляя в уме образы рая или ада, чувственно этим возбуждая себя. В Православной же Церкви безобразно обращаются к безобразному Богу. Из чувств допускается одно покаяние за свои грехи и слезы за свое беззаконие. Образная молитва есть дьявольская уловка. Иногда подобное обращение к Богу приводит человека к сумасшествию и самоубийству, чего враг человеческий и желает. Посему будь осторожна и бдительна,

следи за мыслями, не поддавайся на такие приманки. Ты слышала о брани святых отцов с бесовскими помыслами, о прилогах?

— Да, мне рассказывали, — ответила Маша, вспомнив наставления архангела Рафаила.

— Можешь еще почитать, тебе нужно. Книг на эту тему сейчас много. Спроси в книжной лавке своего института что-нибудь. А будут вопросы — задавай мне.

Они попрощались. Мария, продолжая сидеть в кресле, закрыла глаза. Вдруг в уме против ее воли ясно зазвучала молитва от «Франциска Ассизского». Попытка противиться этому ни к чему не привела, избавиться от напасти не получалось.

Тогда девушка перезвонила отцу Паисию.

— Извините, батюшка. Мне молитва из видения постоянно лезет в голову и, главное, против моей воли. Я не хочу, а она сама произносится в уме. Не знаю, что делать.

— Успокойся, — мягко произнес старец. — Я же предупреждал: бесовское действие неприятно и навязчиво, но, если не робеть, опасности не представляет. Попробуй заглушить его молитвой Иисусовой. И не сдавайся. Если сдашься, поначалу станет легче, брань бес прекратит, но взамен станет управлять тобой и водить от одного греха к другому. А как начнешь сопротивляться — опять восстанет на тебя, поэтому лучше с самого начала бороться, призывая в молитве Бога, поняла?

— Да, отец Паисий. Спасибо за поддержку.

— Звони, не стесняйся.

Обдумав наставления батюшки, Маша стала ходить по комнате и вслух произносить Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешную». Так прошло около получаса. Потом, устав, прилегла и тут же заснула. Проснулась уже среди ночи, разделась, забралась в кровать и опять провалилась в сон. <http://www.princess-and-prince.com>

Второй образ есть такой: когда кто сводит ум свой внутрь себя (ум следит за самим собой), отвлекая его от всего чувственного (вещественного), собирает этот человек все помыслы свои, чтоб не скитались по суетным вещам мира, — и то исследует помыслы свои, то вникает в слова читаемой молитвы, то возвращает назад помыслы свои, если они, быв пленены дьяволом, унеслись к чему-то суетному и худому, то с большим трудом и самопонижением напрягается прийти в себя самого, если был возобладан и побежден какою-либо страстью. Отличи-

тельная черта этого образа молитвы та, что молитвенное делание происходит в голове: мысли с мыслями борются. Имея такой подвиг и такую брань с самим собою, не может человек мирствовать в себе никогда и не находит времени заняться деланием добродетелей, чтоб получить венец правды, потому что сам он следит за своими мыслями в голове, а помышления злые исходят из сердца. Он не видит их, так как не внимает сердцу. Тьма, которая в уме его, и буря, какую имеет он в помыслах своих, причиняют ему ущерб, и нет ему возможности ускользнуть от врагов своих демонов, чтоб они не поражали его. Как иногда порыв ветра, дующий на возжигаемый свет светильника, погашает его, так и дьявол, увидев в душе пламень молитвы, спешит навеять отсюда и отсюда бесчисленные заботливые помыслы и не отстаёт от дела своего, пока не погасит этот огонь молитвы. А кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань.

Третий образ молитвы воистину дивен есть и неудобноизъясним и для тех, которые не знают его опытно, не только неудобопонятен, но кажется даже невероятным, и многие не верят, что подобная вещь бывает на деле. Ты, возлюбленный, если хочешь спастись, начни дело таким образом. Совесть свою хранить чистой должен ты в следующих отношениях: в отношении к Богу, в отношении к духовному отцу своему, в отношении к прочим людям, а также к вещам житейским и предметам мира. В отношении к Богу долг имеешь хранить совесть свою чистой, не позволяя себе делать ничего такого, о чем знаешь, что оно ненавистно Богу и неприятно Ему, заповеди Его соблюдай! В отношении к духовному отцу своему делай одно то, что он заповедует тебе, и ни больше, ни меньше того не позволяй себе делать, но шествуй по намерению его и по воле его. В отношении к другим людям соблюдай совесть свою чистой, не позволяя себе делать им ничего такого, что сам ненавидишь и чего не желаешь, чтоб они делали тебе самому. И в отношении к вещам долг имеешь хранить совесть свою чистой, употребляя их всегда как должно, именно — по необходимости пищу, питье, одежду. Не питай к вещам пристрастие. И вкратце, все делай так, как бы ты был перед лицом Бога, и ни в каком деле не допускай, чтоб обличала и уязвляла тебя совесть, что ты сделал что-то нехорошо. Действуя таким образом, ты приготовишь себе истинную и незаблудную стезю к третьему образу внимания и молитвы, который есть следующий: ум (уму быть в сердце — отличительная черта этого третьего образа молитвы) да хранит сердце в то время, когда он молится, и внутри его да вращается ум неотходно, и оттуда, из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу. В этом всё; трудись так, пока

вкусишь Господа. Когда же наконец ум там, внутри сердца, вкусит и чувством ощутит, как благ Господь, и усладится тем (наш труд, вкушение же это есть действие благодати в смиренном сердце), тогда не захочет уже он отдаляться от места сердечного, тогда скажет и он те же слова, какие сказал апостол Петр: «Хорошо нам здесь быть» (Мк. 9:5), и всегда уже будет взирать туда, внутрь сердца, и там неисходно вращаться, отгоняя все помыслы, всеваемые дьяволом. Это делание некоторые из отцов назвали сердечным безмолвием, другие назвали его вниманием, иные — трезвением и противоречием помыслам, иные — рассмотрением помыслов и хранением ума. Они все в нем преимущественно упражнялись и через это сподобились получить Божественные дарования. Одним словом, кто не внимает себе и не хранит ума своего, тот не может сделаться чист сердцем, чтоб сподобиться узреть Бога. Кто не внимает себе, тот не может быть нищ духом, не может сокрушаться и плакать, ни быть тихим и кротким, ни алкать и жаждать правды, ни быть милостивым или миротворцем, ни переносить гонение за правду.

Еще раз скажу об этом, если желаешь научиться тому, как следует это делать. Три вещи надлежит тебе соблюдать прежде всего другого. Беспечение о всем, даже благочестивом, а не только неблагочестивом и суетном, или, иначе, умертвиться всему. Совесть чистую хранить во всем, так чтоб она не обличала тебя решительно ни в чем. И совершенное беспристрастие иметь внутреннее, чтоб помысел твой не клонился ни к чему, кроме Бога. Стой вниманием внутри себя самого не в голове, а в сердце. Там имей ум свой, стараясь всячески найти место, где сердце, чтоб, найдя его, там уже всецело пребывал ум твой. И ум, подвизаясь в этом, обретет место сердечное. Это случится, когда благодать даст сладость и теплоту молитвенную. С этого же момента и потом, с какой бы стороны ни возник и ни показался какой-либо вражий помысел, прежде чем войдет он внутрь и помыслится или вообразится, ум тотчас прогоняет его оттуда и уничтожает именем Иисусовым, то есть: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!». С этого также времени ум человека начинает иметь злобу и ненависть к демонам, поднимает на них непрестанную войну и поражает. От этого возжелания Бога и молитвы ум делается сильным и прогоняет все помыслы, которые вращаются вокруг и стараются войти в сердце, поражает их молитвою. И тогда бывает брань: с великим шумом восстают злые демоны и посредством страстей производят мятеж и бурю в сердце, но именем Иисуса Христа все истребляется и расплавляется, как воск в огне. Однако ж и быв изгнаны и выйдя из сердца, они не успокаиваются, но опять

покушаются возмутить ум извне через чувства, впрочем, ум и тут очень скоро приходит в себя и начинает чувствовать тишину, обычно в нем бывающую, потому что они не имеют силы возмущать саму глубину ума, а возмущают только поверхность его. Но совсем избавиться от брани и не быть боримым злыми демонами ум все еще не может. Это — достояние совершенных, тех, которые всецело отрешаются от всего и непрестанно пребывают во внимании сердечном. Малое место избирает Бог в человеке для жилища Своего, и делается тогда человек храмом Божиим, в котором обитает и пребывает Бог. Ты сам — храм Божий, не ищи другого места для молитвы: нужно только молитвенное настроение ума в сердце. Бог не человек, чтоб идти к Нему в известное место. Он всегда и везде близ есть. Где ни приступишь к Нему и ни призовешь Его, слышит.

Бог не стыдится места, одного ищет — теплого сердца и души целомудренной. Войди же в себя, пребывай в сердце своем, ибо там — Бог. Он не оставляет тебя, но ты оставляешь Его. Пока сердце пребывает в добре, и Бог в нем пребывает, и оно служит источником жизни, потому что тогда из него исходит доброе. Но как скоро уклоняется оно от Бога и делает беззакония, то становится источником смерти, потому что тогда из него исходит злое. Сердце — Божия обитель, потому нуждается оно в охранении, чтобы не вошло в него злое и Бог не удалялся из него. В сердце у тебя хранится сокровище. Приищи же себе стража, который бы непрестанно находился при дверях. Стань кошкой, стерегущей мысленную мышь, и не сделайся добычею мысленных зверей. Всякий помысел входит в сердце через воображение чего-либо чувственного, чувственное же мешает умному. Стой на страже своей, и храни ум свободным от помышлений во время молитвы. Старайся всегда возвращать к себе уклоняющуюся твою мысль, или, лучше сказать, заключай ее в слова молитвы. Мы заградим дверь сердца трезвенным вниманием ума и тем пресечем злему духу вход туда, чтоб, вошедши, он не погасил там света молитвы. Вот почему у Макария Великого сказано: «Сердце правит всем составом человека, и если благодать овладеет пажитями сердца, она царит над всеми помыслами и телесными членами, ведь все помыслы души — в сердце»; так что в сердце сокровищница разумной способности души и главное телесное орудие рассуждения. Недаром достоименный Макарий сразу за только что приведенными словами прибавляет: «Итак, здесь надо смотреть, начертаны ли благодатью законы Духа». Где «здесь»? В главном телесном органе, на престоле благодати, где ум и все душевные помыслы: в сердце. Если и, по апостолу, Бог даровал Духа Своего, вопи-

ющего в сердцах наших: «Авва, Отче» (Гал. 4:6), то разве не в наших сердцах мы должны молиться вместе с Духом? Мы вводим ум внутрь тела, в сердце. Итак, начало не другое какое есть, как умаление и укрощение страстей, а они не другим каким способом умалются в душе, как хранением сердца и вниманием, ибо, как говорит Господь наш, от сердца исходят помышления злые, которые сквернят человека, там и потребны внимание и хранение. Внимание должно идти вперед и сторожить врагов, как некий страж; оно первое пусть вступает в борьбу с грехом и противостоит злым помыслам, входящим в душу, а позади внимания пусть следует молитва, которая истребляет и побивает тотчас все те злые помыслы, с которыми перед этим вело брань внимание, ибо одно оно не может их победить. От этой брани внимания и молитвы с помыслами зависит жизнь и смерть души. Если вниманием храним молитву чистою, то преуспеваем.

Если Вам понравился этот номер альманаха, вы можете скачать его и переслать друзьям и знакомым